

Международная научная конференция “Ономастика в кругу гуманитарных наук”

20–23 сентября 2005 г. в Екатеринбурге состоялась международная научная конференция “Ономастика в кругу гуманитарных наук”, которая была организована кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А.М. Горького и Институтом русского языка им. В.В. Виноградова РАН. В ней приняло участие 75 исследователей более чем из 20 городов России (включая крупные ономастические центры, такие как Москва, Санкт-Петербург, Петрозаводск, Пермь, Томск, Барнаул, Волгоград и др.), а также из 9 стран ближнего и дальнего зарубежья: Украины (Донецк), Латвии (Даугавпилс), Азербайджана (Баку), Польши (Люблин, Щецин), Германии (Гамбург), Швеции (Умеа). Это первая за последние 20 лет ономастическая конференция такого масштаба. В рамках конференции было проведено 5 пленарных и 6 секционных заседаний, на которых имя собственное рассматривалось в самых различных аспектах, показывающих междисциплинарный характер отдельных разделов ономастики (литературная ономастика) и вскрывающих связи ономастики с ономаσιологией, региональной лингвистикой, антропологической лингвистикой, контактологией.

Общетеоретических докладов было не так уж много, и нужно отдать должное их авторам, которые не только отважились обратиться к имеющим длительную историю обсуждения вопросам – о статусе имени собственного, его значении, – но и сумели сказать здесь новое слово.

С.М. Толстая (Москва) в докладе “К понятиям аппеллятивации и онимизации” выделила несколько параметров, существенных для определения взаимного отношения аппеллятивов и онимов (и производных от них понятий аппеллятивизации и онимизации): форма (лексика, грамматика, внутренняя форма, семантическая модель), ф у н к ц и я (индивиду-

лизация, персонификация и др.), с е м а н т и к а и п р а г м а т и к а (денотативная область, соотношение денотации и референции).

Разделение макро- и микроонимии как онимии макросоциума (общечеловеческого или национального) и микросоциума (деревенской общины, трудового или учебного коллектива, семьи и, в конечном счете, индивидуума) предложено М.Э. Р у т (Екатеринбург) в докладе “К вопросу о макро- и микро- в ономастике”. По мнению автора, уровень взаимодействия макро- и микросистем ономастики зависит от динамических параметров последних (установки на национальную или местную традицию, на интернационализацию, на индивидуальное творчество того или иного из членов социума и др.) и различается у разных классов онимов.

В анализе различных переходных (в пределах шкалы “аппеллятив – оним”) случаев, как указал Е. Б а р т м и н с к и й (Люблин, Польша) в докладе “Денотация и коннотация имен собственных”, может быть использована трактовка коннотации как всего комплекса содержащихся в лексической единице сведений (цели его описания служит когнитивная дефиниция). Е.Л. Березович (Екатеринбург) в докладе “Теория коннотации в современной лингвистической семантике и ономастика” поставила вопрос о наличии коннотаций у разных функциональных типов имен собственных: имеющих и не имеющих аппеллятивные дериваты. Сама возможность сравнения (компаративность), лежащая в основе “отапеллятивных” и “отономастических” способов верификации коннотаций ИС, рассматривается Е.Л. Березович как основное свойство любой коннотации. Но коннотации аппеллятивов могут быть выведены из корпуса знаний об объекте и образуют радиальную структуру, комплекс коннотаций “культурных” имен может быть представлен как сетевая структура, в узлах которой – арсенал средств и моделей язы-

ковой системы (их использование и наделяет им коннотациями).

В докладе О.Т. Молчановой (Ярославль / Щецин, Польша) “Проприальная номинация в свете когнитивизма” поставлен вопрос об экспликации когнитивной информации с опорой на сопоставление онимов и апеллятивов. Материалы топонимии Алтая, созданной на основе антропоморфных переносов, позволили автору определить ряд коммуникативно ориентированных параметров, значимых при создании онома (так, например, наиболее разработанной номинативной базой оказалась группа названий передней части тела человека, что отражает ситуацию общения человека с человеком, переносимую на восприятие пространственного объекта).

В докладе С.О. Горяева (Екатеринбург) “Ономастиологическая мотивированность и значение имени собственного” была предпринята попытка осмысления propriальной семантики через понятие мотивированности, под которой понимается соотнесенность имени с его денотатом, и внутренней формы, трактуемой расширительно как комплекс системно-языковых характеристик онима, формирующих образ носителя имени.

Представленные на конференции доклады можно разделить на те, в которых имя собственное является фактом языка и, следовательно, может служить источником сведений о языке и его носителе, и доклады, в которых имя собственное предстает как текстовая единица (со всеми вытекающими отсюда последствиями).

Среди докладов, выполненных на собственном языковом материале (а их было, разумеется, большинство), были и такие, в которых имя собственное рассматривалось в системно-структурном и функционально-динамическом аспектах, и доклады, в которых реализовывался подход к имени с позиций лингвистического антропологизма.

В ряде докладов был представлен системно-структурный аспект ономастических исследований. Так, О.Г. Гецова (Москва) в докладе “Наименования жителей архангельских деревень” выявила основные словообразовательные типы исследуемых названий, особенности которых определяются производящей базой – уникальными составными топонимами, маркирующими архангельскую территорию (например, *Холмогоры* – *холмогора, холмогор*). В.Л. Васильев (Великий Новгород) в докладе “Некоторые наблюдения над образованием и функционированием древнерусских форм на -*ане* (преимущественно по материалам древненовгородской

письменности)” отметил, что производящей основой наименований жителей на -*ане*, как правило, являются топонимы неантропонимического происхождения. В этой особенности автор усматривает аргумент в пользу высказанной в свое время С. Роспондом версии об апеллятивном происхождении днепровского топонима *Киев*, жители которого исконно именовались *кыяне*: если бы катойкином был произведен от имени легендарного воеводы *Ки́й*, название жителей было бы оформлено суффиксом -*ичи* (т.е. *киевичи*).

В докладах Е.Э. Ивановой (Екатеринбург) “Отражение диалектных словообразовательных особенностей в топонимии Урала” и Е.Н. Поляковой (Пермь) “Роль делового языка в развитии русской антропонимии XVII–XVIII вв.” прослежено воздействие на различные группы онимов системно-языкового фактора.

Иной вектор анализа – не от языковой системы к ономастической, а наоборот – был представлен докладами Л.Г. Гусевой (Екатеринбург) “Уральские фамилии как источник устаревшей диалектной лексики” и О.П. Воронцовой (Йошкар-Ола) “Гидрографические термины в марийских названиях”. В докладе Л.А. Феоктистовой (Екатеринбург) “К вопросу о топонимике *пустого* (на материале топонимии Архангельской и Вологодской областей)” проведено сравнение значений слова *пустой* и его коррелятов (*постный, пресный, простой, сухой*) в апеллятивной лексике и топонимии и выявлены причины их совпадения / несовпадения.

Система имен собственных, взятая сама по себе (“без оглядки” на систему языковую), оказалась в центре внимания Л.М. Дмитриевой (“Самоорганизация региональной топонимической системы”, Барнаул), Т.П. Соколовой (“Названия станций московского метро (специфика урбанонимической подсистемы)”, Москва) и Т.П. Романовой (“Основные тенденции развития современной эргонимической терминологии”, Самара). Обращает на себя внимание то, что в двух из перечисленных докладов проблема системности в ономастике обсуждается на примере искусственно созданных систем и во всех трех – преимущественно в функционально-динамическом аспекте.

Функционально-динамический подход к ономастике был реализован и в докладе А.Ф. Журавлева (Москва) “После Унбегуна: о частотности русских фамилий в конце XX в. (К статистике русских фамилий. II)” (см. предыдущую публикацию А.Ф. Журавлева К статистике русских фамилий. I // Вопросы ономастики. № 2, 2005). Автор дал критический

анализ таблицы частотности русских фамилий, включенной в книгу Б. Унбегауна "Русские фамилии", и предложил для сравнения собственные статистические подсчеты. Сравнение показало, что статистика Унбегауна весьма ненадежна прежде всего потому, что отражает состояние антропонимикона лишь одного города, и при том столичного (Санкт-Петербурга), на начало прошлого века. Степень расхождения данных о распространенности фамилий для неодинаковых по своему статусу городов (Москвы, Владимира и Ялты) наглядно демонстрирует приведенная автором сравнительная таблица.

Сходная проблематика затронута в докладе М.Ю. Беляевой (Ставрополь) "Квантитативный метод в ономастике как составляющая генетического регионоведения", где отмечается неодинаковое соотношение фамилий, оформленных русскими (*-ов/-ев*) и /или украинскими (*-енко/-ко*) суффиксами для разных районов и населенных пунктов Западной Кубани.

Существенно облегчить проведение подобных подсчетов могло бы создание региональных и /или исторических словарей, нехватка которых по-прежнему остро ощущается антропонимистами (и не только ими). О принципах составления, источниках и структуре словарной статьи одного из таких словарей речь шла в докладе Л.А. Захаровой (Томск) "Словарь антропонимов первых жителей Томской земли XVIII в."

В сборнике материалов конференции опубликовано еще несколько тезисов докладов по вопросам ономастической лексикографии: Т.В. Лысова "О лексикографическом описании имен собственных (на примере фамилий православного духовенства)"; Г.Н. Старикова "Место топонимического словаря в системе лексикографических работ"; Е.В. Филатова "Отображение универсальной схемы коннотонима в словаре коннотативных собственных имен Е.С. Отина".

Функционально-динамический аспект ономастического исследования был бы неполон без анализа процессов деонимизации. И.В. Родина (Екатеринбург) сосредоточила свое внимание на механизмах и принципах апеллативизации имен собственных (антропонимов) путем семантической и структурно-семантической деривации (доклад "Апеллативная лексика антропонимического происхождения: аспекты и перспективы изучения"). Автор предлагает комплексный подход к изучению обширного диалектного материала, сочетающий в себе несколько аспектов: 1) системный (установление посредством идеографической классификации системных отношений между апеллативами), 2) ономастолого-этимологиче-

ский (выявление принципов и моделей номинации, а также факторов, способствующих апеллативизации онима), 3) этнолингвистический и 4) функционально-типологический (построение типологии семантических переходов).

Объектом анализа И.Б. Качинской (Москва) в докладе "Про Ваньку Ветрова и Ивана Лопаткина, а также имя собственное как нарицательную характеристику личности (по материалам архангельских говоров)" стали личные имена в их вторичных (ономастических и апеллативных) употреблении и производные от них (прозвища, географические названия).

А.Е. Аникин (Новосибирск) в докладе "О некоторых спорных примерах деэтнонимизации" обратил внимание на существование таких лексем, связи которых с именами собственными являются случайными, мнимыми или приобретены вторично в результате народной этимологии (последняя для заимствования является одним из способов его адаптации). Учет подобного рода фактов на фоне активной разработки проблем апеллативизации и онимизации безусловно необходим, поскольку позволяет избежать ошибочных интерпретаций. К примеру, автор считает неверным возведение укр. диал. *литві́йник* 'ивовые прутья, которыми связывают бревна в плотах' к этнониму *литвин* (скорее здесь следует предполагать связь с *витвин*(а), далее *ветвь*), в то время как вполне допустимым выглядит отождествление этнонима *литвин* и русск. диал. *литві́н* 'скирда овса' (ср. блр. *ляшóк* 'укладка из десяти снопов', русск. диал. *латыш* 'небольшая копенка сена'). Сходные проблемы решались и в докладе Е.А. Березовской (Екатеринбург) "Отономастические и квазиономастические образования в русской ихтиологической терминологии".

Социоллингвистическая направленность нашла отражение в докладе Е.Е. Королевой (Латвия, Даугавпилс) "Прозвища русских Латгалии (на материале русских говоров и молодежного сленга)". Приведенный автором перечень мотивационных моделей в очередной раз показал многообразие лежащих в основе номинации признаков, а в случае отфамильных прозвищ – разнообразие и субъективность основанных на языковой игре ассоциаций. Отдельная задача исследования – сравнение прозвищ, функционирующих среди представителей разных возрастных групп, носителей разных форм существования языка – говора и сленга. Н.И. Волкова (доклад "Прозвища как объект лингвистики, социоллингвистики и психоллингвистики", Сыктывкар) предложила типологию моделей мотивации прозвищ Республики Коми (правда,

само понятие мотивационной модели в данном случае трактуется расширительно: некоторые модели явно выделены с учетом не признаков номинации, а ее способов или средств) и познаномила с некоторыми результатами анкетирования, направленного на определение места прозвищ в формулах именования жителей республики, частотности и сферы их использования, выполняемых функций.

В ряде докладов представлен материал, свидетельствующий о способности имени собственного (прежде всего антропонима) маркировать социальный (или социокультурный) статус объекта (реже субъекта) номинации. Так, А.И. Кузнецова (Москва) в докладе “Проблемы множественной номинации в ономастическом пространстве (на материале уральских языков)” подробно рассмотрела различные случаи переименования в языках, сохраняющих архаичные способы имянаращения: смена временного детского имени взрослым; замена настоящего имени перифразой после вступления в брак (напр. мар. *Метрин ватож* ‘Дмитрия жена-его’), рождения первого ребенка и др. В докладе Ф.Б. Успенского и А.Ф. Литвиной (Москва) “Принципы выбора имени в диалектах средневековой Европы” сопоставлены принципы имянаращения у русских и скандинавов: наречение новорожденного в честь умершего предка как дополнительный инструмент, используемый при наследовании власти, в борьбе за власть; варьирование, сближение родовых имен с целью упрочения тех или иных связей внутри рода, закрепления союза между родами и др. Н. В. Комлева (Вологда) указала на различия в именованиях представителей разных сословий (доклад “К изучению старорусской антропонимистемы города и села в контексте идей когнитивной и этнологической лингвистики (на материале памятников вологодской официально-деловой письменности конца XVI–XVII вв.)”.

Этнолингвистическая проблематика затрагивалась не только в докладах по общим вопросам теории имени собственного (с целью иллюстрации тех или иных положений), но и в докладах более узкой тематики. Входящие в ономастикон культуры того или иного этноса имена стали объектом детального изучения в докладах Т.Н. Дмитриевой (Екатеринбург) “Орнитотопонимы бассейна реки Казым и религиозно-мифологические представления ханты” и С. Небжеговской-Бартинской (Люблин, Польша) “Сакронимы в польских народных названиях травянистых растений”. В первом из них были предложены этимологии нескольких содержащих орнитонимы географических названий – названий мест поклонения духу-предку рода или

семьи, имеющему птичий облик; во втором был представлен комплексный анализ избранной группы лексики в структурном и мотивационном аспектах. Фитонимы (атрибутивные сочетания наподобие *raczka Pana Jezusa, trzewiczek Matki Boskiej*) могут, в частности, восходить к апокрифической легенде или же быть связаны с верованиями в магические свойства имени святого, умножающие целебные свойства самого растения. Ю.А. Кривошова (Екатеринбург) в докладе “Антропонимический код в русской энтомологической лексике” отметила, что задействованность имен мифологических персонажей и производных от них хрононимов составляет специфику ономастической номинации отдельных представителей класса насекомых.

Сообщенные Т.В. Леонтьевой (Екатеринбург) сведения об участии антропонимов в номинации человека по его интеллектуальным способностям позволили уточнить культурную семантику отдельных имен и дополнить реконструированные на неонамастическом языковом материале народные представления об умном и глупом человеке (доклад “Антропонимы в лексико-семантическом поле “Интеллект человека””).

Этнокультурный потенциал прозвищных антропонимов, образованных от апеллятивов – обозначений различных видов продуктов и свойств пищи, был раскрыт в докладе К.В. Пьянковой (Екатеринбург) ““Пищевая” лексика в прозвищных антропонимах”. Как показал представленный материал, в прозвищах могут быть запечатлены те или иные пищевые предпочтения человека или группы людей, обнаруживающие различия между жителями разных территорий, различия в их социальном положении или культурных традициях. В докладе И.А. Кюршуновой (Петрозаводск) “Образ человека в языковой картине мира (по данным исторической региональной антропонимии)” представлены результаты анализа обширной группы апеллятивов, реконструированных на базе антропонимии Карелии XV–XVII вв., – обозначений человека по внешним признакам и чертам характера. Обилие в антропонимиконе Карелии имен, дающих характеристику речевой (коммуникативной) деятельности человека (сварливость, лживость, болтливость, скандальность, назойливость, крикливость), докладчица объясняет контактами русских с прибалтийскими финнами и саамами, отличающимися малообщительностью. С различиями в укладе жизни связано, по ее мнению, и то, что в антропонимии других территорий средневековой Руси (Вологда, Белозерье, Архангельск, Холмогоры, Великие Луки, московский Китай-город,

Вятка и др.) на первый план выходят иные личностные характеристики.

В докладе Н.В. Лабунец (Тюмень) “Национальная специфика географической терминологии” на материале бытующих в старожильческих говорах и топонимии юга Тюменской области терминов русского и тюркского происхождения были выявлены различия в членении русскими и татарами географического пространства (для пришедших с севера русских это прежде всего дискретное, состоящее из преград лесное пространство, для мигрировавших с юга тюрков – бескрайние степные просторы).

Проблематика докладов по ономастической контактологии была сосредоточена в разработке двух направлений: идентификация этноса по данным имен собственных и реконструкция элементов языка и культуры на основе ономастических данных.

Вопрос об идентификации этноса рассматривался преимущественно на материале субстратной топонимии северной и центральной России. По мнению А.К. Матвеева (доклад “К изучению прибалтийско-финской топонимии на территории исторических мерянских земель”, Екатеринбург), лингвоэтническая идентификация топонимии может быть успешной только в том случае, если анализируется целый комплекс названий одного региона, обнаруживающих общие черты. Описанные докладчиком группы топонимов, имеющие прибалтийско-финские истоки, но фиксируемые на территориях, которые издавна рассматриваются как мерянские, позволяют предполагать возможность инфильтрации на юг прибалтийско-финских народов с территории Русского Севера. В дискуссии по докладу представленные материалы были признаны бесспорным доказательством полиэтничности рассматриваемого региона, однако не до конца выясненным остался вопрос о хронологии и исторических причинах миграций. По мнению Е.А. Хелимского, основное противоречие, которое следует объяснить, заключается в разнонаправленности потоков движения: основного (колонизации Русского Севера) и обратного движения прибалтийских финнов на юг.

Новые данные о бывлой полиэтничности территории Карелии были представлены Д.В. Кузьминым (Петрозаводск) в докладе “Топооснова *Häme*” в топонимии Карелии”. Проанализировав этнотопонимы и дифференцирующие топоосновы, автор доклада пришел к выводу о возможности проникновения групп емского населения с территории Финляндии в Заонежье, Приладожье и Беломорье. Причины этого движения связаны с оттоком с этих территорий части карельского населения. Ем-

ские охотники и рыболовы приходят сюда в мирных целях, осваивая новые для себя промысловые регионы. Обоснование возможности вливания западно-финских переселенцев в среду карельского населения позволяет объяснить неясные ранее языковые факты финского происхождения не только в топонимии, но и в севернорусской лексике и открывает возможности для более широкой ориентации в этимологических исследованиях на финский материал.

Необходимость комплексного подхода к интерпретации субстратной топонимии полиэтничного в прошлом региона особо подчеркивалась в докладе Ю.В. Откупщикова (Санкт-Петербург) «О так называемых “речных суффиксах” *-ша* и *-киа* в гидронимии бассейна Оки». Проанализировав многочисленные и весьма противоречивые гипотезы, существующие в настоящее время в научном обороте, докладчик пришел к выводу о том, что, поскольку в семантическом плане возможности реконструкции гидронимов практически ничем не ограничены, очень важно, чтобы реконструированная словообразовательная модель надежно подтверждалась на уровне апеллятивной лексики. Топонимия бассейна Оки надежные словообразовательные параллели находит не в финно-угорских языках, как предполагалось многими исследователями, но в латышском и литовском, что позволяет делать вывод о балтийском характере анализируемых названий.

Внимание П. А. Мбросиани (доклад “Топонимика Кипенского погоста: источники, развитие, проблемы”, Умеа, Швеция) к проблеме древней полиэтничности русских территорий было вызвано несовпадением исторических данных, в частности данных карт изучаемого автором региона. Анализ топонимии позволяет предполагать различия в этническом составе населения Кипенского погоста, которые способствовали его расчленению. Вместе с тем выявляются и процессы активного взаимодействия этнических групп, о чем свидетельствует, например, судьба русского названия *Старая Весь*, которое было заимствовано местным прибалтийско-финским населением и вернулось обратно в русский язык в форме *Таровицы*.

Основным моментом, усложняющим лингвоэтническую идентификацию топонимии, является то, что исследователю довольно часто приходится иметь дело с данными глубокой древности, восходящими к вымершим языкам. Попытка систематизации данных о финно-угорских языках, существовавших ранее на севере России, была предпринята Е.А. Хелимским (Гамбург, Германия) в докладе “Насле-

дие северо-западной группы финно-угорских языков в субстратной топонимии и лексике: реконструкции, историческая фонетика, этимология". Новым для научных исследований является сам термин северо-западная (или иначе у автора – верхневолжская) группа, в которой предлагается объединить следующие ветви: прибалтийско-финская, саамская, лопская, тоймская, мерянская, тверская. Е.А. Хелимский полагает, что исчезнувшие диалекты лопи, тоймы и мери могли быть еще и в начале II тыс. существенно более близки праязыковому северо-западному состоянию, чем современные им – и, тем более, чем современные нам – прибалтийско-финские и саамские диалекты. Ввиду этого, по мнению докладчика, при интерпретации лексического наследия (в первую очередь, топонимического) на соответствующих территориях использование финно-угорских реконструкций более эффективно и методологически более корректно, чем обращение к данным современных прибалтийско-финских и саамских диалектов, и, тем более, волжских, пермских, угорских и самодийских языков. Этот тезис был убедительно проиллюстрирован в авторских этимологиях, которые вызвали активный интерес аудитории. Постулаты Е.А. Хелимского являются важным прорывом в области исследования субстратной топонимии Русского Севера, поскольку до настоящего момента этимологи активно сопротивлялись привлечению праязыковых форм. Некоторые сомнения все же остались неразрешенными после дискуссии по докладу. Главным из них является отсутствие объяснений такого длительного сохранения архаики в вымерших языках финно-угорской группы.

Определение языковой принадлежности топони́ма остается одной из сложнейших этимологических процедур, требующей учета комплекса факторов. Это положение было проиллюстрировано в докладе А.Н. Куклина (Йошкар-Ола) "Палеогидронимия Урало-Поволжья (структурно-системный подход к семантической реконструкции)". По убеждению автора, устанавливать языковую принадлежность палеогидронима следует лишь на основе воссоздания языковой реальности исторической древности, причем гипотетически восстанавливаемая этническая карта должна подтверждаться археологическими, палеоантропологическими и иными данными, которые не противоречили бы друг другу, а находились бы в отношениях взаимной дополняемости. Центром анализа должен быть отбор лингвистических данных в ориентации на непротиворечивое семантическое содержание, соответствующее физико-географическим реалиям. Представленная теоретическая установка поз-

волила автору пересмотреть ряд выдвигавшихся ранее этимологий и предложить собственные интерпретации. Однако новая этимология гидронима *Волга*, обоснованная в другом докладе А.Н. Куклина ("Взаимодействие языков Урало-Поволжья в сфере топонимии"), была подвергнута критике со стороны участников конференции, отметивших, что докладчик строит свои доказательства на основе случайного фонетического сходства данных различных языков.

Т.И. Киришевой (Екатеринбург) в докладе «Названия с «путевой» семантикой в топонимии Онежского полуострова» удалось, основываясь только на лингвистических фактах, выявить диахронические и этнические различия в системах путей сообщения на Онежском полуострове: для древности были значимы водные пути, и ими пользовалось дорусское население региона, тогда как в эпоху русского освоения возрастает значимость сухопутных дорог.

Два доклада были посвящены функционированию географической терминологии в топонимии Русского Севера. И.И. Корсунова (доклад "Типы бытования заимствованной географической терминологии в топонимии Применья", Екатеринбург) на основе изучения обширного корпуса названий, включающих географические термины, сформулировала ряд положений, касающихся возможности определения типа языковых контактов, происходивших в регионе, и особенностей русского освоения иноязычного материала. О.А. Теуш (Екатеринбург) в докладе "К проблеме реконструкции географической терминологии по данным субстратной топонимии Русского Севера" предложила методику реконструкции географических лексем, определила основные типы языковых фактов, доступных для такой реконструкции. По мнению автора, особое изучение этого материала необходимо прежде всего при лингвоэтнической идентификации топонимии, поскольку, растворяясь в общем массиве, он может стать причиной ошибочных интерпретаций.

Доклад Н.В. Кабининной (Екатеринбург) "Антропонимы финно-угорского происхождения в топонимии Мезенского района Архангельской области" является вкладом в пока слабо развитую в ономастической контактологии область исследований – изучение взаимодействия различных видов онома в субстратной топонимии. В настоящий момент этимология субстратных названий строится на презумпции их отапельтивного происхождения. Н.В. Кабинина показала, что учет антропонимического материала не менее важен и открывает новые возможности как в рекон-

струкции древних финно-угорских антропонимических систем, так и в описании лингвоэтнической истории региона. Автору удалось по данным топонимии реконструировать имена, не зафиксированные ни в русском, ни в иноязычных ономастических системах.

Центральным в докладе А.Л. Шиловой (Москва) «Топонимическая лоция реки Охта» стал вопрос о преемственности в топонимических системах. Выявив комплекс сакральных названий русского и субстратного происхождения, докладчик реконструировал исходную систему, связанную с культовыми местами карел и саамов, и проследил ее дальнейшие трансформации. Немалую роль в видоизменении системы сыграли процессы калькирования, причем часто ошибочного, обусловленного непониманием исходной основы и языковыми аналогиями. Подобные факты редко привлекают внимание лингвистов, между тем их учет при интерпретации субстратной топонимии может многое прояснить в судьбе «темных» названий.

В целом основное внимание современной ономастической контактологии устремлено к проблемам выявления различий древних этносов, этномаркирующих признаков, которые позволяют, с одной стороны, описать этнос, его язык, культуру и распространение, с другой стороны, выявить точки соприкосновения с другими этносами, идентифицировать в современных моноэтнических данных «свое» и «чужое».

Две трети докладов, посвященных анализу семантики и прагматики имени в тексте, относились к области литературной ономастики. От рассмотрения общих вопросов, касающихся статуса литературной ономастики в парадигме лингвистики, до исследования конкретных имен, функционирующих в произведениях разных авторов, – таков обширный спектр вопросов, поднятых докладчиками.

Т.М. Николаева (Москва) в докладе «Имена героев и «скрытая» литературная память» обратилась к рассмотрению имен двух персонажей лермонтовского «Маскарада» – баронессы Штраль и князя Звездича. Докладчица предположила, что прообразами лермонтовских персонажей являются герои романа «Опасные связи» Ш. де Лакло – маркиза де Мертей и виконт де Вальмон. Эта оригинальная гипотеза получила убедительное подтверждение: Т.М. Николаева привела ряд совпадений в сюжетных мотивах и образных характеристиках у Лермонтова и Ш. де Лакло. Все это позволило автору поставить вопрос об имени как одном из основных трансляторов культурной памяти.

А.Д. Михайлов (Москва) посвятил доклад ««Имя героя: имя» (Марсель Пруст)» анализу литературного имени *Сван*. Указав на связь этого имени с протонимом Шарль Аас, докладчик проанализировал мотивы выбора Прустом фамилии для героя (от англ. *swan* ‘лебедь’), воссоздав тот широкий культурный контекст, в котором функционирует и на который опирается антропоним. По его мнению, интертекстуальные связи имени и прустовского образа базируются на мифологическом восприятии лебедя, которому присуща в мировой культуре богатая и разнообразная символика. В частности, для восприятия важен миф о Зевсе и Леде, так или иначе варьируемый во многих произведениях искусства нового времени. На основании высказанных соображений автор пришел к выводу, что уже в именах героев Пруста заложен их дальнейший жизненный путь и глубокая символика архетипов.

В докладе А.А. Фомина (Екатеринбург) «О направлениях изучения литературной онимии» была сделана попытка выработать типологию подходов к исследованию литературного онима. Автор выделяет пять направлений анализа онима в художественном тексте. Во-первых, оним может быть изучен в его проекции на личность автора и его ментальную модель действительности (картину мира), производной от которой является художественный мир произведения. Во-вторых, литературное имя может исследоваться в его проекции на языковую систему, прежде всего на ономастикон того или иного конкретного языка. Оним выступает в этом случае в качестве речевой единицы, реализующей свой языковой потенциал. В-третьих, оним может проецироваться на пространство интертекста, выступая в качестве сигнала интертекстуальной переклички. В-четвертых, имя может быть спроецировано на личность читателя и его ментальную модель действительности. Анализу при этом подходе подлежит имя с позиции реципиента, воспринимающего и интерпретирующего художественный мир текста. В-пятых, литературный оним может рассматриваться в проекции на сам художественный текст как систему. В этом случае оним представляет собой функционирующий в системе художественный знак. В заключение автор доклада подчеркнул необходимость комбинировать в ходе анализа различные подходы к объекту.

Доклад Н.В. Васильевой (Москва) «Литературная ономастика и лингвистика текста: партнеры или конкуренты?» был посвящен рассмотрению отношений современной русской литературной ономастики с лингвистикой текста. Констатируя ориентацию многих работ по литературной ономастике на стилистику и

поэтику, автор доклада справедливо указывает, что достаточно тесного контакта с лингвистикой текста у российской литературной ономастики пока не сложилось, хотя определенные сдвиги в данном направлении наметились. В связи с этим Н.В. Васильева попыталась очертить круг проблем, встающих перед литературной ономастикой в ее “текстолингвистической” ипостаси, выделив три блока вопросов. Во-первых, это вопросы, связанные с интродукцией имени и интродуктивными стратегиями, с языковыми средствами реализации этих стратегий, а также типологической характеристикой текстов с точки зрения принципов введения ономастических единиц. Во-вторых, это вопросы, связанные с функционированием имени в тексте: изучение номинативных парадигм, формируемых на основе кореферентности, синтагматических отношений имени и свойств его сочетаемости, анализ бытования имени в различных фрагментах текста, а также функция имени как сигнала переключения регистра повествования. Сюда же автор доклада относит и вопросы, касающиеся разнообразных эффектов, индуцируемых онимом (транспозиции онима и апеллиатива, анаграммирование, языковая игра и т.д.). Наконец, третий блок вопросов – это проблемы, связанные с выходом имени за пределы текста, отмечающим рождение прецедентности онима и установление его интертекстуальных связей.

Оживленное обсуждение вызвал доклад М.В. Голмидовой (Екатеринбург) «“Текстообразующие функции собственных имен в романе В. Пелевина “Generation “П”». Автору удалось показать многослойность и противоречивость смыслов, порождаемых литературными онимами в постмодернистском тексте, их способность отображать развитие концептуального плана текста. Открытость собственных имен для насыщения фоновой культурной информацией обуславливает их возможность выступать в роли одного из действенных средств организации семантического объема художественного текста, взятого в его внутренней связанности и цельности и в его внешних содержательных связях. В образовании внешних, интертекстуальных связей принимают участие прецедентные имена, а внутренние связи собственных имен складываются за счет наращивания их смыслового объема по мере функционирования их в развертываемом тексте.

В докладе Ф.Ш. Пашаевой (Баку, Азербайджан) “Антропонимическое пространство произведений Ф.М. Достоевского” наглядно продемонстрировано, что антропонимическое творчество писателя связано с тенденцией к использованию регулярных антропонимиче-

ских приемов: характеризующей семантики апеллиативов, ироническому обыгрыванию иноязычных имен, фонетической экспрессии антропонимов и др.

Е.Н. Остроухова (Новосибирск) в докладе “Особенности поэтонимов у обэриутов (Д. Хармса, А. Введенского, К. Вагинова)” подчеркнула, что поэтоним в произведениях обэриутов способствует разрушению и обесмысливанию художественного образа. Немотивированность создания и употребления имени, нарочитое приращение имени к неподходящему объекту, нарушение его ассоциативных и логических связей приводят, по мнению автора доклада, к коренной трансформации функционального потенциала поэтонима.

М.А. Соловьева (Екатеринбург) свой доклад “Лингвостилистические особенности актуализации аллюзивного имени в художественном тексте” посвятила выявлению специфики онимов, обладающих способностью отсылать читателя к известным культурным объектам, на примере некоторых антропонимов из произведений А. Мэрдок. Думается, интересный материал, представленный в докладе, только выиграл бы, если бы автор строже подошел к определению ключевого для него понятия “аллюзивное имя” и отграничил бы его от более общего понятия “антропоним – культурный знак”.

Таким образом, обсуждение общетеоретических вопросов совмещалось в докладах с анализом конкретных онимов. В свою очередь, сам материал этих исследований также характеризовался весьма большим разнообразием: исследовались как имена в произведениях писателей-классиков, так и ономастика современных авторов, а наряду с онимией русской литературы изучались собственные имена в произведениях зарубежных писателей.

Особняком стояли доклады, выполненные на ином текстовом материале: фольклора (О.Е. Фролова), житийной литературы (Ф.Б. Успенский и А.Ф. Литвина), арабской географической литературы (В.В. Напольских), публицистики (Н.Б. Гарбовская).

В докладе В.В. Напольских (Ижевск) “*Вятка, Джулман, Югра и Сибирь* в арабском источнике первой половины XIV в.” рассматривалась проблема идентификации исторически известного имени и топообъекта, обозначаемого им в тексте энциклопедии, составленной чиновником египетского султанского двора. На основании скрупулезного контекстологического анализа автору удалось выявить многозначность имени *Джулман* в арабских источниках, что позволило непротиворечиво совместить лингвистическую топографию с географической и исторической.

О.Е. Фролова (Москва) в докладе “Антропоним в жестко структурированных текстах” рассмотрела, каким образом ведут себя разные типы антропонимов (воплощенные и невоплощенные, по А. Гардинеру) в пословице, анекдоте и волшебной сказке и какие ограничения накладывает на референцию и употребление имени собственного тип текста.

Вопрос о текстовых истоках имянаращения являлся центром еще одного доклада Ф.Б. Успенского и А.Ф. Литвиной “Агиография и выбор имени в Древней Руси”, в котором интерпретировался ряд исторически известных имен, связанных не только с традициями христианского именослова, но и с особыми коннотациями, которыми имена наполнены в агиографических текстах, в том числе сюжетными связями в рамках текстовых ономастических микросистем. Христианское имя не только символизировало небесного покровителя, но и апеллировало к определенному сюжету, разворачивалось в текст, что отражалось в системе взаимосвязанных имен определенного круга лиц.

Н.Б. Гарбовская (Славянск-на-Кубани) в докладе “Прозвище как номинация политика в газетном тексте” сосредоточила свое внимание на выявлении признаков мотивации и определении среди них наиболее частотных.

Итоги работы конференции были подведены на круглом столе “Проблемы и перспективы развития ономастики”. Заседание открыла презентация первых номеров издаваемого с 2004 г. журнала “Вопросы ономастики”, что во

многом определило основные направления дискуссии:

- задачи и содержание журнала, его политика;

- формы организации исследовательской работы по ономастике с целью повышения ее эффективности: не только выпуск журнала и проведение конференций, но и издание сериальных сборников, создание Российской ономастической комиссии;

- издание справочной литературы: коллективных монографий по теории имени собственного, учебников, библиографических указателей.

Какие из стоящих перед российской ономастикой задач будут выполнены, покажет время, конференция же справилась со своей главной задачей, дав исследователям возможность познакомиться с актуальными проблемами науки об именах собственных и достижениями в ней.

Тезисы докладов, прозвучавших на конференции, а также тезисы тех исследователей, которые приняли в ней заочное участие, опубликованы в сборнике: Ономастика в кругу гуманитарных наук: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2005.

Л.А. Феоктистова, О.А. Теуш, А.А. Фомин
(Екатеринбург)